

Ольга Померанцева
Михаил Ветров
Моральный кодекс планеты
Флейм
Рассказы

Михаил Ветров

**Моральный кодекс
планеты Флейм. Рассказы**

«Издательские решения»

Ветров М.

Моральный кодекс планеты Флейм. Рассказы / М. Ветров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834267-7

Рассказы, объединенные общим названием «Моральный кодекс планеты Флейм» — это попытка рассмотреть возможности моральной и нравственной адаптации человека, в условиях чуждых миров и его способности воспринять нормы и законы иных разумных существ, рассеянных по Вселенной.

ISBN 978-5-44-834267-7

© Ветров М.
© Издательские решения

Содержание

Моральный кодекс планеты Флейм	6
Третий виток	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Моральный кодекс планеты Флейм

Рассказы

Ольга Померанцева

Михаил Ветров

© Ольга Померанцева, 2016

© Михаил Ветров, 2016

Иллюстратор Алексей Боровков

ISBN 978-5-4483-4267-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моральный кодекс планеты Флейм О. Померанцева

Станислав Гурьев, директор центра космосоциологии, сидя за своим служебным столом, задумчиво смотрел на большой экран монитора, на котором всеми цветами переливалось изображение новогодней елки. Аппаратура сверкала лампочками и блестела поверхностями, со второго яруса доносилась музыка и взрывы смеха. Но сам Гурьев не вписывался в праздничную атмосферу: его лицо выглядело усталым, лоб морщился. Он думал о том, что власть и деньги имущие могли бы оставить в покое всех остальных и не усложнять им жизнь, как это делает известный магнат, акционер космической промышленности Ивлев.

С тех пор, как в их центр пришел работать сын магната, директор не знал покоя, оказавшись между двух огней. Те уступки, на которые он пошел, могли стать поводом для отставки. Наиболее значительным из нарушений было то, что он вынужден был принять молодого Ивлева без конкурса. Мог ли он поступить по-другому? Да. Он мог отказать и сразу подать в отставку, так как магнат в этом случае сделал бы все, чтобы стереть его имя не только из должностных перечней, но даже из памяти. Но тогда – катастрофа. Вся его жизнь, с трудом выстроенная, рухнет. Он не сможет обеспечить своей дочери достойный образ жизни, а как поведет себя его молодая жена, – неизвестно. Может быть, упорхнет вместе с ребенком, может, замучает его упреками, но точно – не обрадуется. Все эти размышления усиливали неприязнь к этому прощельге Юлиану Ивлеву, которому все давалось легко с младенчества. Даже не давалось, а навязывалось.

Работать, конечно же, этот Юлиан не собирался. Он добродушно веселился, переходя в течение рабочего дня из отдела в отдел и отвлекая других. «Этот парень, – думал директор, – никогда не поймет сути нашей работы». Работы, которая требует больших знаний, аналитических способностей, предельной осторожности и внимательности, – ведь они изучают чужие культуры, чужие законы и ритуалы. Бывает, что нарушение одного из них приводит к смерти.

До того, как была объявлена экспедиция на планету Флейм, Гурьев уже натерпелся от него. Однажды во время одной из экспедиций на планету с негуманоидами Юлиан, бездельничая и скучая, вырвался на свободу и проник в резиденцию правителя одного из государств.

Он пробрался в одно из помещений дворца и пытался вступить в беседу с пятиногим высокопоставленным чиновником, похлопывая его по бедрам и заглядывая в лицо, которое помещалось прямо на них. Министр был ошеломлен и переступал двумя передними ногами, выполняющими у инопланетян и роль рук.

Неизвестно, чем бы это окончилось, если бы не космосоциологи, удостоившиеся встречи правителя. Они наспех сочинили легенду о том, что у них принято включать в экипаж слабомысленных, они, мол, приносят счастье. Правитель очень заинтересовался, стал задавать вопросы, даже загарцевал на трех задних ногах. Послы вышли от него, чувствуя, что их лица под скафандрами покрыты каплями пота. И это несмотря на встроенные терморегуляторы. Юлиана они припугнули тем, что сдадут в местный зоопарк. После этого тот окончательно потерял интерес к работе и Гурьев, в тайне надеясь, что когда она ему окончательно надоест, папаша подыщет своему чаду что-нибудь еще.

Такой счастливой развязке помешала начавшаяся подготовка экспедиции на планету с гуманоидами, да еще очень похожими на людей. На счет их происхождения выдвигались различные версии, но самой правдоподобной, по мнению Станислава Евгеньевича, была самая простая: жители этой планеты – это люди, земляне в прошлом, которые когда-то, каким-то образом попали на Флейм, и их развитие пошло немного другим путем. Об этом косвенно рассказывали источники – старые рукописи, с наполовину стершимися письменами. И хотя

язык этих источников с трудом поддавался расшифровке и не был похож ни на один земной, материал напоминал папирус, буквы выстраивались в ряды. Молодых сотрудников такое объяснение не устраивало, им подавай что-нибудь таинственное, жуткое, чтобы зубы сводило.

Услышав об экспедиции, молодой бездельник очень оживился и потребовал, чтобы его включили в нее. С пафосом заявив, что давно готов к настоящему делу, а его держат на задворках, он даже стал усиленно изучать чужой трудный язык, что в прежние разы его заставить делать было почти невозможно. Да никто особо и не пытался.

Гурьев примерно представлял, зачем этому разгильдяю понадобилось лететь на планету Флейм: там новые девушки. Это он и пытался донести до его отца, видеовстречи с которым с трудом добился. Отец выглядел моложавым и веселым. Он помахал Гурьеву короткопалой рукой, приветливо улыбнулся и сказал:

– Вы можете называть меня Жан.

Директор смешался, смутился (отец Юлиана кроме акций предприятий, обслуживающих космическую отрасль, владел четвертой частью стратегических ресурсов Земли), но, взяв себя в руки, стал спокойно рассказывать о трудностях и опасностях полета в зону газового гиганта. Он предупредил, что степень опасности экспедиции по шкале Тибути равна трем, а самая высокая степень, как известно, – первая. До этого на Флейме была лишь одна экспедиция, собравшая обширную информацию о географии планеты, составе воды, флоре и фауне, физических особенностях жителей, торговле, производстве и так далее, но законы, мораль, вера остались белым пятном. Тактичные, вежливые флеймонцы умудрялись давать ответы, на первый взгляд, казавшиеся вполне информационными, но при ближайшем рассмотрении практически ничего не прояснявшие. Гурьев намекнул, что на голову его сына могут обрушиться большие неприятности, а может еще, что и похуже, так как тот склонен заводить отношения со всеми девушками, появляющимися в поле его обзора.

Все его доводы разбились о веселое добродушие отца, который шутливо, но непреклонно настаивал на участии Юлиана в экспедиции.

– Ну что такого, – обаятельно улыбался высокопоставленный отец, – если мальчик закрутит небольшой романчик? Все мы были молоды, у всех кровь бурлила.

– Это очень опасно, – пытался приводить аргументы Гурьев. – В истории покорения планет было много случаев, когда нарушение этических норм инопланетян приводил к гибели как землян, так и жителей планеты.

– Я вас умоляю, – расплылся в улыбке отец шалопая, – этика, мораль – их тоже нужно изучать? А иначе – смерть?

Он шутливо провел ребром ладони по шее и расхохотался. Гурьев вздрогнул от этого жеста и понял, что в любом случае Юлиан полетит.

Как сам Гурьев, так и участники экспедиции были недовольны тем, как был сформирован отряд. Пришлось взять двух охранников, якобы ввиду недостаточной изученности планеты, а на самом деле оберегать чадо. В результате была сокращена одна ставка специалиста по космоистории и религиоведению. Также, вместо двух космосоциологов взяли лишь одного, а Юлиана назначили его помощником. Беспокойство так измучило директора, что он, если бы мог, сам отправился на эту планету.

Когда корабль совершил посадку и Юлиан, лежа в своем посадочном гамаке, сквозь алмаз иллюминатора стал рассматривать космопорт, ему показалось, что он никуда не улетал с Земли, а просто прибыл в другой город. Деревья, люди. Был, конечно, некий, почти неуловимый налет экзотики, проявлявшийся в очертании крон деревьев, материале посадочной полосы – она сияла золотистым блеском, так как на эту поверхность приземлялись лишь два корабля и один из них тот, в котором находился он. У флеймонцев еще нет своего космического флота, и полетов на другие планеты они не осуществляли. Посадочную площадку построили для землян. Так что, не успела еще износиться дорожка.

По инструкции они надели респираторы, хотя состав воздуха вполне подходил, и члены экипажа были привиты от всех известных возбудителей. Но могли быть и неизвестные, которые мирно уживаясь в организмах флеймонцев, могли воспринять земные организмы как агрессивную среду. Их встречала толпа представителей власти городка, который находился за сотню километров от космопорта, но приехали и члены государственной власти. На Флейме было лишь одно цивилизованное государство, окруженное высокой толстой стеной. На стене располагались войска, круглосуточно несущие караул, предотвращая нападения диких племен.

Юлиан смотрел на делегацию – все высокие, поджарые, темноволосые, одетые в строгие костюмы, поверх которых были накинuty короткие плащи, украшенные геометрическим орнаментом. «Очень красиво», – подумал он. Но тут взгляд зацепился за более яркие цвета в этой группе. В центре стояли две девушки или молодые женщины в широких шароварах, перетянутых на талии ремнями цвета тусклого серебра и в накидках, спускающихся с голов, увенчанных диадемами. Одна из них имела заурядную внешность: волосы какого-то бледно-сиреневого цвета, узкие поджатые губы, длинный хрящеватый нос, небольшие круглые черные глаза, как булавки сверлящие окружающих. Другая выглядела ребенком: ее белая кожа была так свежа, словно она только что появилась на свет, пряди ее волос цвета баклажан, пружинками лежали на лбу и сияли даже в свете неяркого солнца Флейма. Чистые фиолетово-сиреневые глаза казались только что открывшимися и светились как драгоценные камни. На ее нежной шее лежало пестрое ожерелье, а на руках дремал короткошерстный зверек с узкой мордочкой.

Как всегда Юлиан с первого взгляда бурно влюбился, но подумал: стоит ли начинать? Слишком редкая птица и как к ней подступиться – неизвестно. Если он начнет ухаживания и не добьется взаимности, то будет страдать не только от несчастной любви, но и от позора: его слава ловеласа, не потерпевшего ни одного поражения, уйдет, он, на радость конкурентам, будет опозорен. «Посмотрим, – решил он, – здесь ведь есть и другие девушки, может и красивее». Но сердце его подозрительно замирало, горло пересохло, и он понял, что некоторое время никакая другая девушка его не заинтересует.

Она не была классической красавицей, но когда приоткрылись ее губы и он увидел немного крупные, не совсем ровные зубы, то задрожал от восторга. «Что-то я уж слишком, – покрутил он головой, – наверное, это оттого, что давно не видел девушек». Когда им представили делегацию флеймонцев, Игорь услышал и запомнил ее имя – Ота.

Ота до семнадцати лет была безмятежно счастлива. Она была единственной дочерью министра труда. Ее отец с молодых лет успешно продвигался по карьерной лестнице, и семья никогда не знала нужды, болезней, несчастий. Она купалась в любви родителей и двух ее братьев: старшего – Лади и младшего – Ари. Но в семнадцать ей подобрали мужа. Такой порядок существовал испокон веков, и как показала практика, был очень хорош, особенно для девушек высокопоставленных родителей. Им доставались лучшие женихи – богатые, занимающие высокие посты в государстве, а значит, здоровые и с прекрасной генетикой. От них рождалось превосходное потомство. Конечно, бывали исключения и среди простолюдинов появлялись выдающиеся экземпляры. Особенно замечательным назначались крупные выплаты и за них выдавали девушек из элиты. С другой стороны, иногда какой-нибудь вредный ген поднимал голову и в, казалось бы, идеальном браке рождался ребенок с недостатками. Такие сбои бывали не часто, но считались очень опасными.

Ота знала, что если не делать отбор, то начнется хаос. Человека и других существ отделяет такая тонкая грань. Примером тому дикие племена, живущие за стенами государства и состоящие из сумасшедших и полулюдей. Они как раз и произошли из таких детей. Давным-давно «испорченных» младенцев бросали за стену. Не все погибли. Одних выкормили самки крупных животных, других воспитали неведомые легендарные триры. В результате они стали объединяться в орды и совершать нападения на государство. Они были само зло.

Но сердцу не прикажешь, оно грустило и ныло. До назначения жениха Ота грезила о некоем красивом юноше. У него была фигура министра благосостояния народа, глаза ее приятеля, с которым им разрешали иногда играть в детстве, волосы главнокомандующего. Она собирала все красивые мужские черты, чтобы создать своего будущего мужа и была глубоко разочарована, когда ей представили жениха. Можно было и не представлять – это был приятель отца, его заместитель, с детства ей знакомый. Он был всего на четыре года младше ее родителя, и Ота всегда считала его нудным дядюшкой, который постоянно поучал ее и относился к ней как к ребенку. Его волосы уже стали грубыми и потускнели, а сам он был высок и очень худ.

Матушка, красавица Ру, конечно, догадалась о причине уныния ее всегда веселой дочери, в отличие от отца, который, не слыша переливов мелодичного смеха, вообразил, что дочь просто повзрослела. Понимание родило тревогу и мать после этого не уставала напоминать, что Оте привалило счастье, так как Гиро, ее жених был второстепенным отпрыском правящей династии, и его дети вполне могли унаследовать правление. Когда дочь раздраженно морщилась, она переводила разговор на долг перед народом, семьей, рассказывала истории о преступивших моральный кодекс девушках. Встречая мужчин, ведущих на цепи женщин, порой передвигающихся на четвереньках и погоняемых палкой или плетью, она, чтобы привлечь внимание дочери, так сильно открывала глаза, что видна была кайма глазного яблока вокруг радужки. Кивая подбородком на измученную женщину, закованную в цепи, мать шептала:

– Это еще не самое страшное.

Девушка досадливо отворачивалась, так как истории про нарушивших долг женщин, входили в школьную программу. Сколько их было перечитано, сколько законспектировано!

Но все было терпимо, пока Ота не увидела инопланетянина. Отец разрешил ей присутствовать на встрече, так как прочил ее в молодежный отдел при министерстве. Не так давно женщин стали допускать в правительственные органы, а он заработал политический капитал именно передовыми взглядами, поэтому решил продемонстрировать их, подготовив свою дочь к государственной службе. Тем более что будущий зять не против.

Ота воображала, что, несмотря на родство инопланетян с флеймонцами, у них должны быть какие-то уродства, странности и со жгучим любопытством ожидала посадки корабля. Но увидела почти таких же людей. Конечно, они были не так стройны и волосы их не таких красивых цветов – вместо черного, фиолетового, красного, оранжевого, у землян встречались неприятные блеклые цвета – серый, бледно-желтый, белый, а некоторые мужчины и вовсе были безволосыми. Глаза землян ей тоже не понравились. В отличие от темных, с расширенными зрачками глаз флеймонцев, где радужка занимала почти все видимое пространство глазного яблока, они, выглядели выцветшими, с маленькими точками зрачков, из-за чего напоминали червивый плод вакана. Но были среди них и красивые. «Даже очень красивые» – невольно подумала Ота, увидев среди землян молодого мужчину с волосами цвета легендарного цветка параю, с глазами цвета ночного неба Флейма. Она никогда не видела таких, и это позволило ей на некоторое время убедить себя, что смотрит она на него из-за любопытства.

Гурьев всегда ожидал связи с экспедициями, которые вылетали на мало исследованные планеты как чуда, но в этот раз все было по-другому. Он ждал ее со страхом. С нетерпением выслушивая отчеты с других планет, взрослый опытный руководитель, наконец, набирал код Флейма, и сердце его замирало. Особенно пугал разговор с социологом Бирюковым, под началом которого был этот проклятый Ивлев. Первый выход на связь ничем особым не выделялся, новых данных почти не было, а Ивлев отличился только опозданиями и ленью. Но второй раз Бирюков не уставал хвалить Юлиана за собранные факты. Вздохнуть с облегчением Гурьеву помешал зашевелившийся червячок сомнения. Он осторожно спросил, где же помощник берет эти сведения? Социолог невразумительно стал говорить о его контактах с местным населением, о его коммуникабельности...

– Он завел интрижку? – решительно перебил его Гурьев.

– Да-а-а, – тянул Бирюков, – вроде бы есть девушка...

На голове директора задвигались волосы, а там, где их не было, забегали мурашки. Он стал расспрашивать, что за девушка, а когда узнал, что она дочь министра, обрушил на голову социолога громы и молнии. Ладно бы это была обычная девушка, но дочь министра, которая к тому же скоро войдет в молодежный правительственный сектор!

– Но они вроде не против, – блеял теперь ненавистный ему социолог.

Он не лгал, Оту действительно назначили куратором Юлиана, она должна была помочь ему освоиться. Ни ее отцу, ни другим родственникам не пришло почему-то в голову, что молодые люди могли полюбить друг друга. Они были уверены в ее благоразумии. Девушки редко решались пойти против моральных норм, они знали цену непослушанию. Несмотря ни на что Ота должна была выйти замуж только за выбранного для нее жениха Гиро и больше ни за кого. Юлиан, несмотря на то, что был из богатой и влиятельной семьи, женихом на Флейме мог стать лишь после процедуры посвящения, включающей, среди прочего, пристальное медицинское исследование, и исправление недостатков здоровья, иногда весьма болезненное. Но на Оте он не смог бы жениться и в этом случае. Только мать, хранящая в одном из платьев бусину от распавшегося еще в молодости ожерелья, все тревожилась. Она поражалась глупости своего мужа, который должен был понимать, что здесь не просто опасность нарушения клятвы их дочерью, но и опасность взаимодействия людей из разных миров. А это может выродиться в катастрофу всего государства.

Юлиан, между тем, переживал самую счастливую пору своей жизни. Любовь необычной чистой девушки, признание коллег. А Ота была в состоянии удивления и восторга. Она никогда не встречала таких мужчин – ласковых, открытых, трогательных. Их мужчины были всегда суровы, сухи и смелы. Он слушал ее рассказы, внимал ее советам. Никто еще так уважительно не относился к Оте, никто не почитал ее как мать – только он. «Ули», – мысленно позвала она его. Ей трудно давалось произношение его имени, поэтому он разрешил называть его так.

Ота не сомневалась, что он увезет ее с собой, и одно время Юлиан намеревался сделать что-то подобное: привезти из космической экспедиции инопланетную красавицу – это что-то! Но Гурьеву все-таки удалось убедить его отца в опасности вмешательства в дела Флейма. Он рассказал ему о таинственных подземельях инопланетян. Никто не знал, что они там хранили – может неведомое оружие, а может несметные богатства. Ссориться с ними не надо, по крайней мере, пока.

Гурьев в этот раз не стал говорить о моральных нормах флеймонцев, так как в прошлый раз был высмеян. Но такой довод как оружие или богатство произвели на старшего Ивлева впечатление, и он запретил своему сыну даже думать об инопланетянке. Он надеялся получить выгоду от взаимоотношений с правительством Флейма, и мешать ему в этом было нельзя. После этого Юлиан, если бы даже и захотел, не смог бы украсть Оту.

– Любая попытка, – пригрозил отец, – и ты лишишься всего!

Парень сгоряча отказался от наследства, выпалил отцу в видеофон, что останется на планете, но потом, одумавшись, попросил прощения. Он знал, что Флейм ему скоро наскучит. Да, красиво, когда на дереве фого лопаются созревшие плоды и из них выбрасываются светящиеся семена, которые долго лежат на земле, освещая парки и леса. Удивительна долина Воху, где все звуки сохраняются навечно и воспроизводятся от малейшего звукового колебания, прекрасны большие насекомые с изумрудными глазами, интересны животные, а особенно ручной зверек Оты, который забавно крутит носом и рычит на него, но природа так однообразна.

Юлиан стал готовиться к отлету, отказавшись от любых попыток соединиться с Отой. Он убеждал себя и других, что ничего особенного не было, пытался лихо усмехаться, но губы будто сводило. Видя, что возлюбленный избегает ее, не зовет с собой в то время как подготовка к отлету была в разгаре, девушка, рискуя быть схваченной, пробралась к гостинице и смогла вызвать молодого землянина.

Испугавшись, он увлек ее в грот, где они иногда встречались и проводили время наедине. Но теперь Ота не села рядом с ним, она стояла в своем покрывале, накинутом на кудрявую голову и спускавшемся до ее маленьких туфелек вдоль фигурки в узорчатых шароварах. Пряча глаза от стыда и от горя, он произнес свою бравую речь о том, что им было хорошо, но все кончается, что она найдет себе другого. Голос, правда, слабел и срывался, слова забывались, так как его отвлекали движения ее маленьких рук, теребивших концы пояса и блеск слез, которые струились из под опущенных ресниц. Она лишь раз вскинула глаза, которые при слабом свете солнца Флейма засветились цветом темного аметиста. В ответ на его речь Ота произнесла лишь одно слово: «Пожалуйста». После этого постояла, словно чего-то ожидая и, отодвинув рукой лианы, не поднимая головы, ушла. Юлиан, протянул руку, желая удержать ее, но вспомнив, что смысла в этом нет, уронил ее, и рука повисла как чужая.

Когда уже погрузка шла к завершению, воспоминания об Оте вдруг так сильно рванули сердце, что ноги сами понесли его к дому министра. Он хотел сказать ей, что вернется и они, обязательно будут вместе. Подбежав, он увидел, что на верхушке купола реет коричневое полотнище – знак траура. Расспросы о том, что случилось, ни к чему не привели: соседи однозначно отвечали, что у них горе. В таких случаях в жилища флеймонцев заходить нельзя. Увидев ее младшего брата Ари, скользящего по наклонной плоскости (что заменяло флеймонцам лестницы), он кинулся к нему и спросил про Оту.

– Она в доме, – односложно ответил юноша.

– Скажи ей, скажи, что я вернусь за ней!

Плечи мальчика вздрогнули, губы сжались, глаза полыхнули цветом темного граната. Он отвернулся и побежал, ничего не ответив.

Когда корабль подлетал к Земле и уже был виден край планеты, похожей на драгоценный камень, Юлиан вдруг перестал понимать, зачем ему все – Земля, богатство отца, приятели, девушки, развлечения... Рыдания стали рвать ему грудь, и так больно ему не было никогда. Сейчас бы в грот – сесть на теплый серый камень с красноватыми вкраплениями, посадить на колени маленькую девушку, вытереть ее слезы. Как он виноват перед ней! Не нужно было начинать их отношения, а если начал, то нужно было бороться за нее и может быть погибнуть. «Ну, нет, – остановил он себя, – погибнуть – это слишком». Постепенно он успокоился. «В конце концов, – грустно думал он, – Ота найдет себе кого-то другого. Или родители ей найдут». Приободрившись, он подумал, что будет теперь появляться среди приятелей и приятельниц с печальным задумчивым видом, и это не будет позой!

Получая от Оты информацию различного рода, он не догадался спросить о главном, – что думают об их отношениях флеймонцы. Поэтому он не знал, что Ота была обречена, так как согласно моральным нормам, она опозорила не только свой род, но и все Государство. Девушка нарушила обещание, да еще и ожидала внебрачного ребенка. Дальнейшая жизнь таких женщин развивалась по трем сценариям: либо они становились рабынями того, кого обманули и их водили как собак на цепи. Вторая развязка наступала, если обманутый отказывался от нее. В этом случае, после операции, лишившей ее репродуктивных органов, она должна была стать рабыней для каждого – кто бы ни захотел. Такие женщины были редкостью и даже представляли определенную ценность. После их смерти родственники, чаще всего, сестры, братья или племянники получали неплохое наследство. Но за это любой мужчина мог ее избить, искалечить и в купленное время водить на цепи. Чтобы избежать этой участи, можно было выбрать лишь смерть. Это был третий выход. Моральные нормы планеты не отделялись от уголовного права, они и были законом.

Ота предпочла смерть. Ее нареченный жених серый от горя и сожалений, пытался ее спасти. Он предлагал после рождения ребенка взять ее в рабыни:

– Ты только по видимости будешь рабыней, только на людях будешь в цепи, а в моем доме будешь госпожой.

Но она не согласилась. Горячая молодая кровь толкала на безумные поступки. Она потеряла любовь и у нее отнимут ребенка, так как он считался «сомнительным». Его поместят в дом для таких детей и будут внимательно изучать в государственных медицинских учреждениях. Так ради чего ей жить? Кроме того, ее терзал стыд перед Гиро и родителями. Ее жених был добр к ней, он долго убеждал ее, но Ота упрямо качала головой.

– Ты даже не представляешь, на что обрекла себя, – говорил Гиро.

Были минуты, когда его слова пробивали в ней брешь, и она рассматривала возможность, которую он ей предлагал. Но Ота родилась на Флейме и с молоком матери впитала убеждение, что, такие как она, – преступники, жить не должны. Она предала жениха, но, по крайней мере, не предаст Ули, став женой другого. Его поступок предательством ей не казался.

Этот инцидент привел к тому, что жители Государства планеты Флейм закрыли доступ для землян. Они передали, что на планету может ступить лишь один человек – Юлиан. Причина не объяснялась. Гурьев, которого понизили в должности, и отец «избранника» могли лишь строить свои догадки.

Последний предполагал, что сына собираются женить на этой девице, по которой тот убивается, и насильно оставить на планете навсегда. «А может быть, – размышлял он, хватаясь за сердце, – они хотят отомстить и погубят моего Юлиана?». Собрав своих заместителей и держателей акций, он добился решения усилить охрану сына, нанять целый отряд лучших детективов.

Но, властвуя над вещами и людьми, он был бессилен перед своим сыном, любовь к которому делала его слабым. Можно удержать его силой – запереть, заковать в кандалы, но как пережить страдания сына и утрату его любви к себе? Все, все изменилось. Почему не послушал мудрого Гурьева? Впору теперь выдрать последние волосы на своей глупой голове.

Если до этой проклятой экспедиции он мог пригрозить сыну лишением содержания, наследства, то теперь это никак не действовало. Значение имела лишь эта инопланетная девица. Это имя – Ота он видел в поисковых системах в компьютере сына. Как будто он надеялся найти ее на Земле. Он видел неумелые наброски, на которых была изображена кудрявая девушка со странными глазами. Все говорило о высшей степени отчаяния. «Весь в меня, – уныло думал Жан, – если уж полюбил, пиши – пропало». Наняв самых лучших бойцов, переоборудовав самый большой транспорт, он отправил сына на ожидавшую его планету.

Флеймонцы заблокировали все люки корабля, как только их гость ступил на трап. Зря старался отец, – Юлиан оказался отрезанным от своей охраны. Встречающие гостя флеймонцы сразу же ввели его в курс дела: на Флейм он прилетел, чтобы выполнить один из пунктов морального кодекса. Сердце молодого человека подпрыгнуло, – может его женят на Оте? Но весть была другой: Оты больше нет. Его колени подогнулись, а на лбу обильно выступил пот. Он думал, что испытал то, страшнее чего не бывает, но пытка продолжалась: ее казнили. И еще глубже – ее казнили и не просто так, а с пытками, а он, тот, из-за кого девушка пошла на смерть, согласно моральному кодексу Государства планеты Флейм, должен получить и прослушать запись ее последних часов.

Бобину с записью ему вручил старый служащий посольства, высушенный как кузнечик. Вежливо, с поклоном, подав ему кассету, он сказал, что устройство, на котором он может ее прослушать, находится в его гостиничном номере. Юлиан попытался отшвырнуть ее, но тут же два флеймонца удержали его локти, а тот, кто вручал кассету, с жалостью посмотрел на него древними глазами осьминога.

– Вы не можете заставить меня сделать это! – закричал землянин, пытаюсь вырваться.

Его, практически, на весу доставили в комнату, надели наушники, зафиксировали на кушетке и оставили. Он снова услышал этот голос – нежно скрипучий, как трели ласточки. Но теперь страдающий. Слушая весь ужас последних часов своей возлюбленной, он молил ее мысленно: «Подчинись, не будь такой гордой, попроси прощения, останься живой!»

После того, как он услышал последние слова Оты, произнесенные на выдохе: «Ули аткатара, Ули» (как же так, Ули), все кольца из прочнейшего материала, закрепленные на руках и ногах распались: он был свободен и почти мертв.

Дрожащий и раздавленный он сидел в их гроте и пустыми глазами смотрел перед собой. Когда слабый дневной свет еще больше потускнел, лианы, закрывающие вход были отодвинуты крепкой длиннопалой рукой, и перед ним предстал бывший жених Оты. На сгибе левой руки он держал маленькую девочку. Он плюнул перед собой, что означало высочайшую степень презрения, подождал реакции, но ее не было. Юлиан не пошевелился, не взглянул. Больше чем он сам себя, никто не мог его презирать или ненавидеть. Гиро стал бесстрастно излагать ему все обстоятельства гибели Оты: как он пытался ее спасти, что она говорила, что делала, как он проводил ее до места казни.

Землянин слушал его голос, пока до него не стал доходить смысл, а потом, задрожав с головы до ног, закричал, схватив себя за волосы:

– Я не знал! Я думал, она со мной откровенна, что ничего не скрывает!

– Ты тот, который ничего не видит вокруг себя, а смотрит лишь на свои испорченные внутренности! Ты нарушил заповедь верности, ты предал человека! И я убил бы тебя, если бы не она, – закончил он рычащим голосом, качнув на руке девочку.

Так перевел Юлиан речь Гиро, но были слова, которые он перевести не мог. Вероятно, они были оскорбительными. Когда флеймонец повысил голос, кудрявая малышка у него на руках захныкала, ее повлажневшие глаза сверкнули аметистовым цветом. Высокий суровый и злой Гиро стал ласково утешать ее, длинными неловкими пальцами вытирать с ее щек слезы.

– А вы?! – воскликнул Юлиан. – Вы убили юную женщину! А за что?

– Я ее не убивал и не предавал. У моего и твоего народа есть моральные нормы. Они справедливы для всех, но могут быть не справедливы для каждого. Каждый должен отвечать за себя. Ота ответила, я тоже. А ты?

Казалось, что кровь, желчь и все другие жидкости, наполнявшие его организм, бросились ему в голову. Он кричал, срывая голос, спрашивал у Гиро, знает ли он, что это такое – слушать страдающий голос любимого человека в последний раз?

– Ты вон сразу женился, дочь у тебя, а я все три года провел в тоске и мечтах о ней! А когда мне казалось, что встреча близка, я нахожу здесь невообразимые муки, на которые вы меня обрекли!

Он долго кричал и рыдал, а Гиро, передав дочь слуге или адъютанту, молча смотрел на него. Когда Юлиан поднял глаза и через распухшие веки посмотрел на него, показалось, что в грозных вишневых глазах инопланетянина блеснуло сочувствие. Гиро приготовился говорить, а землянин сморщился и поднес ладони к ушам, намереваясь их закрыть. Но флеймонец сказал совершенно неожиданную вещь:

– У нынешнего правителя нет потомства, надежды тоже нет. Он уже потерял мужскую силу, а его молодая супруга не беременна. Принцессой назначена моя дочь.

Он повернулся и без всякого прощания вышел из грота. Юлиан с ненавистью смотрел ему вслед и думал: «Какой же сволочью нужно быть, чтобы в этой ситуации кичиться своим положением, показывать контраст между его и моей жизнью! Мстительный ублюдок!»

Его привели на корабль два флеймонца, держа как старика под руки и направляя его заплетающиеся шаги.

Земляне с облегчением вздохнули, когда их корабль оторвался от странной планеты, обитатели которой вызвали раздражение своей отсталостью, своими невразумительными законами. Надо же, во времена межгалактических контактов, беспредельных скоростей не иметь космической техники, нормальных средств коммуникации! Они не знали, что на другой день после старта корабля, подземные хранилища Флейма раскрылись, космические корабли, начиненные оружием, задрожали, стартуя. Когда они, со страшным грохотом поднялись в небо,

то флеймонцы вышли на свои площади, взобрались на возвышенности, чтобы благоговейно проводить их взглядами. Они знали, что на астероидах, в большом количестве окружавших Флейм, будут расположены катапульты и лучеметы, которые больше не позволят приблизиться землянам, ибо один из них нарушил все моральные нормы и чуть не вверг Государство в новую катастрофу.

А Юлиан так и не понял, что бывший жених Оты не мстил, а доводил до его сведения, что Государством Флейма будет править его маленькая дочь, спасенная Гиро. Через некоторое время он оправился от страданий, хотя созданный им ореол мученика еще долго сопровождал его, помогая успеху в любовных делах.

Третий виток О. Померанцева

Наконец она оказалась у входа в лифт, который должен был поднять ее к помещению космического корабля. Остался один шаг. Ее руки были прижаты к телу, сзади напирала толпа, в спину, ребра, бедра впивались чьи-то пальцы, какие-то углы. «Как же так, – подумала она, – ведь выдавались билеты с указанным местом, а людей гораздо больше. Их ведь все равно отправят ждать следующего транспорта». Диана с усилием вытащила руку с зажатым в ней пластиковым билетом и стала еще раз сверять номер на билете и номер космического корабля, светившийся на обшивке у входа.

– Все верно? – услышала она чей-то голос сзади.

– Да, – приветливо ответила девушка. Она всегда радостно реагировала на обращенные к ней слова, на любое внимание.

– Ну, тогда...

Она почувствовала, как из ее пальцев вырвали билет, а ее саму оттолкнули вбок. Диана увидела, что тот последний шаг в узкую дверь вместо нее сделала высокая жилистая девушка с узким костлявым лицом. Повернувшись на миг, она восторженно гоготнула и с презрением сказала:

– Вот дура, такую поискать еще.

Дина, растерявшись и как всегда почувствовав себя виноватой, пропустила момент, когда можно было исправить положение. Дверь без предупреждения поехала вбок, прищемив ногу уже вошедшего парня, а потом пальцы какой-то женщины. Она успела их втянуть уже сломанными.

Оставшиеся в отчаянии стучали по двери лифта, но охранники стали разгонять их, выкрикивая:

– Корабль стартует!

Эти же слова повторял громкоговоритель, и все это сливалось с криками и рыданиями людей, не попавших на корабль или разлученных с родными. Взревевшие моторы заглушили весь этот шум, корабль громоздко оторвался от земли, а затем, набрав скорость, прощально сверкнул в голубизне неба. Улетел – оставалось ждать следующего.

Через несколько минут на взлетную площадку упало тело, потом еще одно, поодаль еще несколько – шло освобождение жизненного пространства. Дина содрогнулась и передернула плечами: она была почти благодарна той девице, что отняла у нее билет, потому что, скорее всего, и она оказалась бы в числе выброшенных из корабля.

Девушка стала успокаиваться. Она всегда старалась находить хорошее в казалось бы совсем безнадежном. Первое преимущество, несмотря ни на что, она жива. Второе, – она никого из близких не потеряла, их и не было. Третье, у нее есть шанс попасть на следующий корабль: нужно только подождать или продвигаться на какой-нибудь другой пункт посадки. Надежды не очень много – у нее теперь нет билета, нет влиятельных родственников и знакомых, которые помогли бы получить его.

Она, было, поникла, но тут же встрепенулась, – ей рассказывали, что места по ее сиротскому билету ужасны, располагаются на нижней палубе, где не всегда хватает кислорода, а не то что воды и пищи. Люди буквально сидят друг на друге. Ходили слухи, что в первых рейсах погибло около 30% тех, у кого были «сиротские» места. Она, скорее всего, оказалась бы среди них, так как постоять за себя она не только не могла, а и не допускала мысли об этом. «Все к лучшему», – подумала Дина. У нее крепкий комбинезон, шлем последней модели, счетчик, – так что она может подождать.

Но ожидание затянулось. Прошла неделя, а никакого корабля не было. Те, кто остался ждать, как и она, вначале мирно жгли костры, с разговорами и шутками ели концентраты в тюбиках. Слышались приглушенные шлемами голоса детей, затевались игры. Воспитательница ее группы в детском доме рассказывала о подобном времяпровождении, но называла это – «поход» или «пикник». На четвертый день ситуация изменилась. Еда у многих окончилась, вода тоже. Потом прошел слух, что один из кораблей исчез, связь с ним пропала и начала набирать обороты паника.

Дина была одна, надеяться ей было не на кого, поэтому она расходовала пищу и воду очень экономно. Но на пятый день к ней подошла молодая женщина. Ее губы растрескались, в глазах горел голодный огонек. Она стала просить дать ей для ребенка воды и пищи.

– Ты же одна и тюбики у тебя еще есть, я видела. Дай для моей девочки!

Дина испытала, как всегда, чувство вины и отлила немного воды и выдавила питательной пасты из тюбика.

– А что так мало? – возвысила голос просительница.

Ее услышали и к ним стали стягиваться люди, понадеявшиеся на быструю отправку и съевшие свои запасы. Они стали сначала просить, а потом требовать.

– У меня осталось немного, – бормотала Дина, отступая.

Одна из женщин подошла к ней вплотную и выхватила из ее сумки тюбик. Другая приобняв ее, говорила, что они должны стать сестрами и все у них должно быть общим. Ее вкрадчивые манеры и горячечный блеск в глазах пугали даже больше, чем прямая агрессия. Дина мягко вывернулась из ее рук и столкнулась с третьей, которая ругала ее последними словами, называла паскудой и проституткой, которая заработала еду одним местом. Дина заплакала, пластик ее шлема запотел, глаза застлало слезами, а женщина, превратившаяся в расплывчатое пятно, кричала:

– Ты бы хоть детей пожалела, дрянь!

Дина отчаянно зарыдала, а окружившие женщины стали ее толкать, дергать, а кто-то пытался отнять ее сумку. Полные бессильной злобы они, наконец, нашли объект ненависти. Но вдруг раздался окрик, и кто-то раздвинул толпу, положил ей на плечо руку, приподнял шлем:

– Она сама еще ребенок, бессовестные! Объели своих детей, теперь ищите виноватых! Ну-ка разошлись!

Женщины ворча стали расходиться, а Дина, наконец, подняла глаза на своего спасителя. Это был мужчина средних лет с рыжеватой бородой, копной каштановых волос и серыми добрыми глазами. Дине он показался необыкновенно красивым. Мужчина привел ее к импровизированной палатке, у которой сидела измученная женщина со спящим мальчиком на руках. Она неприятливо покосилась на Дину, но ничего не сказала.

Ее положили спать вместе со всеми. Мужчина сказал, что теперь она член их семьи. Но ночью девушка ушла (она решила идти до следующей посадочной площадки), перед этим постояв над спящим Сергеем (так звали ее спасителя), посмотрев на его красивое лицо и представив себе невозможное счастье: они – муж и жена.

Издали увидев корабль, Диана бежала к нему изо всех сил. Она успела, но на корабль не попала: не пыталась. Глядя на толпу, в которой люди отталкивали друг друга, вцеплялись в волосы и лицо, девушка приняла другое решение – остаться на Земле. Оно подспудно вызревало в ней со времени первой неудачной попытки улететь на первом корабле.

Она понимала, что для того, чтобы выжить, нужно найти место не слишком зараженное радиацией. Одиночество угнетало ее, поэтому вначале решила поискать бункеры. Она неделю шла по безлюдным местам, ее запасы иссякли, но она все-таки обходила стороной бывшие поселения – боялась поддаться искушению и утолить голод и жажду зараженной пищей и водой. И вот, наконец, после дня, когда Диана не съела ни кусочка, она набрела на почти

полностью разграбленный бункер. В нем остался противорадиационный костюм, счетчики, почти пустые тубики. Она выдавила из них остатки питательной смеси, что дало ей силы двигаться дальше. В другом, также, почти опустошенном бункере, незараженной оказалась душевая и вода в резервуаре, расположенном над душем. Она, наконец, разделась, ужасаясь состоянием кожи и запахом. Помывшись, обработала все опрелости и потертости, выстирала, как могла белье. Она даже переночевала там – в небольшой раковине под душем, без ненавистного комбинезона.

Это приключение взбодрило ее, подарило надежду, и она решила не только выжить, но и быть счастливой. Остаться жить в душевой кабинке, конечно же, было нельзя, поэтому девушка отправилась дальше на поиски нужного места.

В одном из пустых убежищ, среди пыльных бумаг, ей попала какая-то схема или карта. Когда она разобралась в ней, то вскрикнув от радости, прижала к груди: это была карта местности с обозначенными местами расположения бункеров. Теперь, по крайней мере, она не блуждала, а шла целенаправленно. После взрывов что-то произошло с климатом – осень выдавала то жару, то грязный снег – и то и другое было неприятно. Больше всего страдали ноги – ее обувь растрескалась от чередования влаги, грязи и жары.

Некоторые бункеры были задраены, и Дину это как разочаровывало, так и радовало. Разочаровывало потому, что она тратила много сил, продвигаясь к ним, а радовало потому, что была надежда, что она не одна на планете.

В одном из убежищ ее ожидала самая большая удача – она нашла два велосипеда – двухколесный и трехколесный с тележкой. И, хотя трехколесный был тихоход, она выбрала его из-за устойчивости и тележки, куда она могла положить все вещи, которые ей попадались. Кроме того, она могла останавливаться и отдыхать, не покидая сидения.

Нагрузив тележку необходимым и энергично крутя педалями, девушка радостно думала, что, несмотря ни на что, ее жизнь становится все лучше. Она вспомнила, что когда была маленькой и горько плакала от того, что мальчишка отобрал у нее последнюю конфету, хотя она с ним уже поделилась одной, перед ней присела полная уютная санитарка. Она вытерла ей слезы и сказала: «Не плачь, вырастешь большая и станешь царицей, будет у тебя много конфет, печенья и „воздыхателей“». Дина хмыкнула и подумала: «Царицей или нет, но столько вещей у меня никогда не было, а вот „воздыхателя“ нет ни одного».

В бункере, люк которого таился среди зарослей терновника, девушка почти ничего не нашла. Разочаровано перебирая одежду, постель, одеяла, практически превратившиеся в труху, она неожиданно обнаружила сундучок или сейф, запертый на цифровой кодовый замок. Дина не стала пытаться открыть его с помощью подбора кода, – не было времени и желания. Она вытащила из тележки топор и стала бить по сундучку. Но он стойко выдерживал удары, только немного скособочился. Это привело к тому, что образовалась крошечная щель, в которую она вставила лезвие топора и, поворачивая его, к вечеру открыла сундучок.

Его содержимое ошеломило девушку, – из проема хлынул каскад драгоценностей. Цены они в этой ситуации не имели, но обрадовали Дину чрезвычайно. Украшения она видела лишь в фильмах о прежних временах, да еще на шее их воспитательницы, на тоненькой цепочке висел кулончик с красным камешком, который казался ей верхом совершенства. Она благоговейно надела браслет, засверкавший многочисленными гранями минерала. Дина решила, что это алмаз. Браслет составил чудовищный контраст с ее руками – с обломанными и обкусанными ногтями, с вьезшейся в кожу грязью, с какой-то красной сыпью.

Она сняла браслет, взяла ожерелье и диадему. Они были так красивы, что у нее участилось сердцебиение. Дина надела на шею ожерелье, осторожно опустила на голову диадему. Разыскала зеркало и впервые за последнее время посмотрела на свое отражение. Увиденное ее не очень порадовало, – волосы отросли и жирными прядями свисали из-под диадемы, лицо

было недостаточно чисто, зубы желтые с грязным налетом. Но зато ожерелье красиво охватывало нежную длинную шею.

Дина разыскала немного воды, насколько могла тщательно вымыла лицо, волосы шею и вернулась к драгоценностям. Теперь стало лучше, хотя девушка давно знала, что некрасива. У нее маленький, скошенный подбородок и выступающие вперед как у зайца зубы. Два верхних длиннее прочих. Маленькие, похожие формой на зерна пшеницы глаза, большой лоб, мягкие и редкие светло-русые волосы. Единственным достоинством, соответствующим общепринятым канонам красоты была чистая, белая, как будто бы светящаяся изнутри кожа.

Погрузив тяжелый сундучок, она отправилась дальше. В следующем бункере она среди прочего нашла книги. Так как тележка уже была переполнена, и она с трудом крутила педали, пришлось выбрать лишь энциклопедии и практические руководства по изготовлению различных вещей. Книги были достаточно древние, но ей такие и были нужны. Земная цивилизация приказала долго жить, нужно все начинать сначала.

Радиометр радиации показывал все меньшее значение, вероятно, она попала в зону, достаточно удаленную от эпицентров взрывов. Она очень обрадовалась, потому что устала, очень устала. Ее ноги одеревенели от кручения педалей и по утрам, пробудившись, она иногда плакала от боли. Хотя при каждой возможности она мылась и меняла одежду под комбинезоном, ее кожа была в плохом состоянии – опрелости и потертости также доставляли мучения. Но она должна была идти, пока не найдет места, где расположится надолго, а может быть и навсегда. У нее иногда возникал соблазн остаться в каком-нибудь бункере, но она преодолела его, так как оказалась бы отрезанной от мира, – вокруг была зараженная местность. Рано или поздно окончились бы продукты, и нужно было бы снова искать место. Ей нужна была территория, защищенная от вторжений, от природной стихии, с водой, с низким загрязнением почвы, с возможностью добывать пищу. Она чувствовала, что найдет это место.

Компасом ей служил счетчик, а его показатели ориентирами. Именно он вывел ее в гористую местность, вероятно, когда-то довольно обжитую, так как она оказалась на вымощенной дороге, которая едва заметно поднималась и петляла. Езда под уклон была трудна, но Дина была рада уже тому, что она передвигается по ровной поверхности и не нужно толкать и перетаскивать свой транспорт через препятствия. По дороге она двигалась довольно долго, почти не отдыхая. Где-то на второй день пути, после того, как она ступила на дорогу, перед ней открылось величественное зрелище – огромная лестница, вероятно, древняя, так как почти все ступени были выщерблены, а некоторые с большими трещинами. Лестница вела вверх, к большому проему в скале. Счетчик показывал допустимый предел радиации. Этот счетчик был произведен по принципу старинного радиометра Гейгера, но в отличие от него, был не больше 10 сантиметров и не требовал никаких настроек, работал автоматически.

Подъем по лестнице дался тяжело: велосипед нужно было тащить за собой, потом спускаться и волочить наверх вещи. И так несколько раз. Когда она вошла в проем, то увидела огромное помещение, скорее долину, покрытую травой и редким кустарником. По стенам вились лианы и плющ с крупным и мелкими белыми цветами. Над большей ее частью нависали скалы, а остальная часть была открыта. В стенах то и дело встречались углубления, оказавшиеся, в свою очередь, пещерами поменьше. Счетчик показывал норму. Дина, не очень поверив его показаниям, отыскала среди вещей другие. На них было то же. Девушка откинула шлем, рассмеялась, став при этом похожей на зайца из мультфильма, затаптывала, раскинув руки. Окончание дороги Дина отметила большей порцией еды и крепким сном без сновидений, правда утром разболелись все мышцы и кости.

Устройство заняло три дня. Она поселилась в одной из небольших уютных пещер, выгнав оттуда стайку летучих мышей, соорудив из сухой травы, покрытой одеялами, спальное место. В самом сухом углу аккуратно сложила книги, развесила немногочисленную одежду, положив длинную палку концами на каменистые выступы. Потом она лежала, листая книги.

Уже скоро к ней пожаловали гости – это были две дикие козы, которые невообразимым образом передвигались по отвесным стенам. Она видела таких коз, пока добиралась до пещеры. Постепенно Дина смогла приручить их и даже добыла немного молока, способом, который был описан в энциклопедии. Они стали приходить почти каждый день: щипали траву, растущую в пещере, требовательно блеяли, требуя немножко соли, которую очень полюбили. Дина их доила, пила молоко, сквашивала его и даже делала творог. Если было холодно, они грели ее, правда, при этом выщипывали половину ее травяной постели.

Девушка была постоянно занята, так как в перерывах между хозяйственными работами читала книги. Не все они оказались полезными для нее и она, скрепя сердце пускала их на растопку, но потом научилась разжигать огонь с помощью пучков травы, тоненьких прутиков и др. Когда однажды козы не пришли и отсутствовали неделю, Дина поняла, что ей нужна другая еда. Запас консервированной пищи она старалась не трогать.

Первым успехом была птица, которая воровала у нее вещи и тюбики с едой. Однажды девушка так возмутилась и распалилась поведением птицы, которая еще и напала на нее, больно клюнув в висок, что, схватив камень, метнула в нее и убила. Птица ужасно пахла, но она отважно ее освежевала, ощипала и бросила в кипяток.

Мясо показалось ей очень вкусным, и она съела его в течение дня. После этого наступила расплата: три дня она мучилась от рвоты и изнуряющего поноса и уже думала, что умрет, но все пришло в норму. Помогли таблетки, которые она добыла в одном из бункеров, молодой организм и вернувшиеся козы, гревшие ее по ночам и разгонявшие дурные сны.

Когда следующие попытки, попасть в птицу камнем не увенчались успехом, Дина раскрыла старинную книгу «Как сделать капкан, силки, ловушки» и прочитала первую фразу, поразившую ее справедливостью: «Охота может стать надежным источником питания человека». Когда она сделала несколько примитивных капканов и силков, пища стала поступать довольно регулярно, тем более что она нашла поселение стрижей, откладывавших яйца в норах, которые делали в отвесной глиняной стене. Дина осторожно доставала их яйца, оставляя одно или два. Чтобы они не обижались, она иногда делилась с ними другой своей едой.

Если выпадали жаркие дни, она купалась под струями водопада, мыла волосы птичьими яйцами, и они блестели, грелась у костра, заваривая себе «чай» из трав, и была бы совершенно счастлива, если бы тотальное одиночество. За все время пути она не встретила ни одного человека, и ее стала пугать мысль о том, что, может быть, все улетели или умерли.

Она смотрела на звезды и представляла себе счастливых, попавших в новые безопасные миры и спокойно живущих среди близких. Но потом оптимизм брал верх, и на смену грусти приходило убеждение, что ее участь – лучшая. Они пользуются милостью хозяев других планет, как нищие. Наверное, их даже презирают обитатели других миров за то, что они, загадив свою планету, сделали ее непригодной для жизни, трусливо бежали. А она – дома.

Дина надевала свою единственную женскую одежду – светло-зеленую ночную сорочку со скромными кружевами у ворота, украшала руки браслетами, пальцы кольцами, а голову диадемой. Она подходила к водопаду, находила место, где вода не пенилась, а как глазурь стекала по скале и любовалась на свое отражение. «Я как Ева, – думала девушка, – первая женщина. Но где же Адам? Тот был первый, а теперь все по-другому: первая – я. Может древний Бог придет и сделает мне операцию? Выпилит мне мужа из моего ребра?» Она тихо рассмеялась. Дина находила себя интересной собеседницей и с удовольствием вступала с собой в диалог. Что ж, других пока нет. Да и некогда ей болтать, очень много дел.

Но вскоре Адам явился. Это был очень грязный парень. Его лицо было измазано, казалось, всеми возможными веществами, имело бурый цвет, на фоне которого выделялись воспаленные голубые глаза. Она увидела его, когда возвращалась в пещеру, с зайцем, попавшим в капкан. Парень лихорадочно рыскал везде, вероятно, в поисках пищи. Увидев ее, он оскаллился своими испорченными зубами и попытался напасть. Но был очень слаб, и она без труда

прогнала его из пещеры. Она знала, что он вернется, так как у нее был заяц, которого она сварит, а такой запах разносится на большое расстояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.